

БОЛЬШАЯ
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
СЕРИЯ

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

АРТУР — КОНАН ДОЙЛ

Собака
Баскервильей

60 ИЛЛЮСТРАЦИЙ
СИДНИ ПЭЙДЖЕТА

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2015

УДК 821.161.1
ББК 84 (4Англ.)
Д62

Arthur Conan Doyle
The Hound of the Baskervilles

Перевод с английского

Рисунок на переплете
С. Бабкиной

Дойл, Артур Конан
Д62 Собака Баскервилей. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 205 с.: ил. — (Большая иллюстрированная серия).

ISBN 978-5-9922-2100-8

Более 100 лет мир читает произведения о Шерлоке Холмсе. Слава этого героя затмила всех литературных персонажей мировой литературы.

Настоящий том включает повесть «Собака Баскервилей» (1902) — одно из лучших произведений среди тех повестей и рассказов, которые английский писатель Артур Конан Дойл (1859—1930) написал о своем любимом герое — талантливом сыщике Шерлоке Холмсе.

Мрачная легенда связана со старинным поместьем лордов Баскервилей: несколько веков назад страшная собака-призрак появилась в пустынных болотах, окружающих замок, и убила одного из Баскервилей, совершившего гнусное преступление. С тех пор вой собаки не раз слышали на болотах, и это всегда предвещало несчастье в семействе Баскервилей. Но самое таинственное событие случилось совсем недавно: на прилегающей к болоту аллее парка был найден мертвым старый сэра Чарльз Баскервиль, вышедший прогуляться перед сном. А в нескольких шагах от него на песке были ясно видны следы огромной собаки.

Немало сил потратил и немало изобретательности проявил Шерлок Холмс, прежде чем ему и его другу и помощнику — доктору Уотсону удалось раскрыть тайну загадочных следов, грозившую смертельной опасностью наследнику сэра Чарльза — молодому Генри Баскервилю.

Это увлекательное произведение сопровождают все 60 иллюстраций известного британского художника Сидни Пэйджета, выполненные им для журнала «Стрэнд».

УДК 821.161.1
ББК 84 (4Англ.)

ISBN 978-5-9922-2100-8

© Перевод Н. Волжиной. Наследники, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

Глава I

МИСТЕР ШЕРЛОК ХОЛМС

Мистер Шерлок Холмс сидел за столом и завтракал. Обычно он вставал довольно поздно, если не считать тех нередких случаев, когда ему вовсе не приходилось ложиться. Я стоял на коврике у камина и вертел в руках палку, забытую нашим вчерашним посетителем, хорошую толстую палку с набалдашником — из тех, что именуются «веским доказательством». Чуть ниже набалдашника была прибита серебряная пластинка шириной около дюйма. На пластинке было начертано: «Джеймсу Мортимеру, Ч. К. Х. О., от его друзей по ЧКЛ» и дата: «1884». В прежние времена с такими палками — солидными, увесистыми, надежными — ходили почтенные домашние врачи.

— Ну-с, Уотсон, какого вы мнения о ней?

Холмс сидел спиной ко мне, и я думал, что мои манипуляции остаются для него незамеченными.

— Откуда вы знаете, чем я занят? Можно подумать, что у вас глаза на затылке!

— Чего нет, того нет, зато передо мной стоит начищенный до блеска серебряный кофейник, — ответил он. — А в самом деле, Уотсон, что вы скажете о палке нашего посетителя? Мы с вами прозевали его и не знаем, зачем он приходил. И раз уж нам так не повезло, придется обратить особое внимание на этот случайный сувенир. Обследуйте палку и попробуйте воссоздать по ней ее владельца, а я вас послушаю.

— По-моему, — начал я, стараясь по мере сил следовать методу моего приятеля, — этот доктор Мортимер — преуспевающий медик средних лет, к тому же всеми уважаемый, поскольку друзья наделяют его такими знаками внимания.

— Хорошо! — сказал Холмс. — Превосходно!

— Кроме того, я склонен думать, что он сельский врач, а следовательно, ему приходится делать большие концы пешком.

— А это почему?

— Потому что его палка, в прошлом весьма недурная, так сбита, что я не представляю себе ее в руках городского врача. Толстый железный наконечник совсем стерся — видимо, доктор Мортимер исходил с ней немало миль.

— Весьма здравое рассуждение, — сказал Холмс.

— Опять же надпись: «От друзей по ЧКЛ». Я полагаю, что буквы «КЛ» означают «клуб», вернее всего, охотничий, членом которого он оказывал медицинскую помощь, за что ему и преподнесли этот небольшой подарок.

Холмс снова стал осматривать палку, но уже через увеличительное стекло.

— Уотсон, вы превзошли самого себя! — сказал Холмс, откидываясь на спинку стула и закуривая сигарету. — Я не могу не отметить, что, описывая со свойственной вам любезностью мои скромные заслуги, вы обычно преуменьшаете свои собственные возможности. Если от вас самого не исходит яркое сияние, то вы, во всяком случае, являетесь проводником света. Мало ли таких людей, которые, не блистая талантом, все же обладают недюжинной способностью зажигать его в других! Я у вас в неоплатном долгу, друг мой.

Я впервые услышал от Холмса такое признание и должен сказать, что его слова доставили мне огромное удовольствие, ибо равнодушие этого человека к моему восхищению им и ко всем моим попыткам предать гласности метод его работы не раз ущемляло мое самолюбие. Кроме того, я был горд тем, что мне удалось не только овладеть методом Холмса, но и применить его на деле и заслужить этим похвалу моего друга.

Холмс взял палку у меня из рук и несколько минут разглядывал ее невооруженным глазом. Потом, явно заинтересовавшись чем-то, отложил сигарету в сторону, подошел к окну и снова стал осматривать палку, но уже через увеличительное стекло.

— Не бог весть что, но все же любопытно, — сказал он, возвращаясь на свое излюбленное место в углу дивана. — Кое-какие данные здесь, безусловно, есть, и они послужат нам основой для некоторых умозаключений.

— Неужели от меня что-нибудь ускользнуло? — спросил я не без чувства самодовольства. — Надеюсь, я ничего серьезного не упустил?

— Увы, дорогой мой Уотсон, большая часть ваших выводов ошибочна. Когда я сказал, что вы служите для меня хорошим стимулом, это, откровенно говоря, следовало понимать так: ваши промахи иногда помогают мне выйти на правильный путь. Но сейчас вы не так уж заблуждаетесь. Этот человек, безусловно, практикует не в городе, и ему приходится совершать большие концы пешком.

— Значит, я был прав.

— В этом отношении — да.

— Но ведь это все?

— Нет, нет, дорогой мой Уотсон, не все, далеко не все. Так, например, я бы сказал, что подобное подношение врач скорее всего может получить от какой-нибудь лечебницы, а не от охотничьего клуба, а когда перед лечебницей стоят буквы «ЧК», название «Чаринг-Кросская» напрашивается само собой.

— Возможно, что вы правы.

— Все наводит на такое толкование. И если мы примем мою догадку за рабочую гипотезу, то у нас будут дополнительные данные для воссоздания личности нашего неизвестного посетителя.

— Хорошо. Предположим, что буквы «ЧКЛ» означают «Чаринг-Кросская лечебница». Какие же дальнейшие заключения можно отсюда вывести?

— А вам ничего не приходит в голову? Вы же знакомы с моим методом. Попробуйте применить его.

— Вывод очевиден: прежде чем уехать в деревню, этот человек практиковал в Лондоне.

— А что, если мы пойдем немного дальше? Посмотрите на это вот под каким углом зрения: почему ему был сделан подарок? Когда его друзья сочли нужным преподнести ему сообща эту палку в знак своего расположения? Очевидно, в то время, когда доктор Мортимер ушел из лечебницы, решив заняться частной практикой. Ему поднесли подарок, это нам известно. Предполагается, что работу в лечебнице он сменил на сельскую практику. Будут ли наши выводы слишком смелыми, если мы скажем, что подарок был сделан именно в связи с его уходом?

— Это весьма вероятно.

— Теперь отметьте, что он не мог состоять в штате консультантов лечебницы, ибо это доступно только врачу с солидной лондонской практикой, а такой врач вряд ли уехал бы из города. Тогда кем же он был? Если он работал там, не будучи штатным консультантом, значит, ему отводилась скромная роль куратора, живущего при лечебнице, то есть немногим большая, чем роль практиканта. И он ушел оттуда пять лет назад — смотрите дату на палке. Таким образом, дорогой мой Уотсон, ваш солидный пожилой домашний врач испарился, а вместо него перед нами вырос весьма симпатичный человек лет тридцати, нечестолюбивый, рассеянный и нежно любящий свою собаку, которая, как я приблизительно прикидываю, больше терьера, но меньше мастифа.

Я недоверчиво рассмеялся, а Шерлок Холмс откинулся на спинку дивана и пустил в потолок маленькие, плавно колеблющиеся в воздухе кольца дыма.

— Что касается последнего пункта, то тут вас никак не проверишь, — сказал я, — но кое-какие сведения о возрасте этого человека и его карьере мы сейчас отыщем.

Я снял со своей маленькой книжной полки медицинский справочник и нашел нужную фамилию. Там оказалось несколько Мортимеров, но я сразу же отыскал нашего посетителя и прочел вслух все, что к нему относилось:

— «Мортимер Джеймс, с 1882 года член Королевского хирургического общества. Гримпен, Дартмур, графство Девоншир. С 1882 по 1884 год — куратор Чаринг-Кросской лечебницы. Удостоен премии Джексона по разделу сравнительной патологии за работу «Не следует ли считать болезни явлением атавистического порядка?». Член-корреспондент Шведского патологического общества. Автор статей «Аномальные явления атавизма» («Ланцет», 1882), «Прогрессируем ли мы?» («Вестник психологии», март 1883). Сельский врач приходов Гримпен, Торсли и Хай-Бэрроу».

— Ни слова об охотничьем клубе, Уотсон, — с лукавой улыбкой сказал Холмс, — зато действительно сельский врач, как вы тонко подметили. Мои умозаключения правильны. Что же касается прилагательных, то, если не ошибаюсь, я употребил следующие: симпатичный, нечестолюбивый и рассеянный. Уж это я знаю по опыту: только симпатичные люди получают прощальные подарки, только самые нечестолюбивые меняют лондонскую практику на сельскую и только

рассеянные способны оставить свою палку вместо визитной карточки, прождав больше часа в нашей гостиной.

— А собака?

— Была приучена носить поноску за хозяином. Эта палка не из легких, собака брала ее посередине и крепко сжимала зубами, следы которых видны совершенно отчетливо. Судя по расстоянию между отметинами, для терьера такие челюсти слишком широки, а для мастифа узки. Возможно, что... Боже мой! Ну конечно, кокер-спаниель!

Говоря это, Холмс сначала расхаживал по комнате, потом остановился у оконной ниши. В его последних словах прозвучало такое твердое убеждение, что я недоуменно взглянул на него.

— Послушайте, друг мой, почему вы в этом уверены?

— По той простой причине, что я вижу собаку у наших дверей, а вот и звонок ее хозяина. Не уходите, Уотсон, прошу вас. Вы же с ним коллеги, и ваше присутствие поможет мне. Вот она, роковая минута, Уотсон! Вы слышите шаги на лестнице? Эти шаги врываются в вашу жизнь, но что они несут с собой — добро или зло, — неизвестно. Что понадобилось человеку науки, доктору Джеймсу Мортимеру, от сыщика Шерлока Холмса?.. Войдите.

Наружность нашего гостя удивила меня, ибо я рассчитывал увидеть типичного сельского врача. Доктор Мортимер оказался очень высоким, худым человеком с длинным носом, торчащим словно клюв между серыми, близко посаженными глазами, которые ярко поблескивали за золотой оправой очков. Одет он был как и подобает человеку его профессии, но несколько неряшливо: сильно поношенный пиджак, обтрепанные брюки. Он уже сутулился, несмотря на молодые годы, и странно вытягивал шею, благожелательно приглядываясь к нам. Войдя в комнату, наш гость тотчас же увидел палку в руках Холмса и с радостным возгласом потянулся за ней.

— Какое счастье! А я никак не мог вспомнить, где я ее оставил, здесь или в пароходной компании. Потерять такую вещь! Это было бы просто ужасно!

— Подарок? — спросил Холмс.

— Да, сэр.

— От Чаринг-Кросской лечебницы?

— Да, от тамошних друзей ко дню моей свадьбы.

— Ай-ай, как это скверно! — сказал Холмс, покачивая головой. Доктор Мортимер изумленно заморгал глазами.

— А что же тут скверного?

— Только то, что вы нарушили ход наших умозаключений. Значит, подарок был свадебный?

— Да, сэр. Я женился и оставил лечебницу, а вместе с ней и все надежды на должность консультанта. Надо было обзаводиться собственным домом.

— Ну, вот видите, мы не так уж сильно ошиблись, — сказал Холмс. — А теперь, доктор Джеймс Мортимер...

— Что вы, что вы! У меня нет докторской степени, я всего лишь скромный член Королевского хирургического общества.

— И, по-видимому, человек научного склада ума?

— Я имею только некоторое отношение к науке, мистер Холмс; так сказать, собираю раковины на берегу необъятного океана познания. Если не ошибаюсь, я имею честь говорить с мистером Шерлоком Холмсом, а не с...

— Нет, доктор Уотсон вот, перед вами.

— Очень рад познакомиться, сэр. Ваше имя часто упоминается рядом с именем вашего друга. Вы меня чрезвычайно интересуете, мистер Холмс. Я никак не ожидал, что у вас такой удлинённый череп и так сильно развиты надбровные дуги. Разрешите мне прощупать ваш теменной шов. Слепок с вашего черепа, сэр, мог бы служить украшением любого антропологического музея до тех пор, пока не удастся получить сам оригинал. Не сочтите это за лесть, но я просто завидую такому черепу.

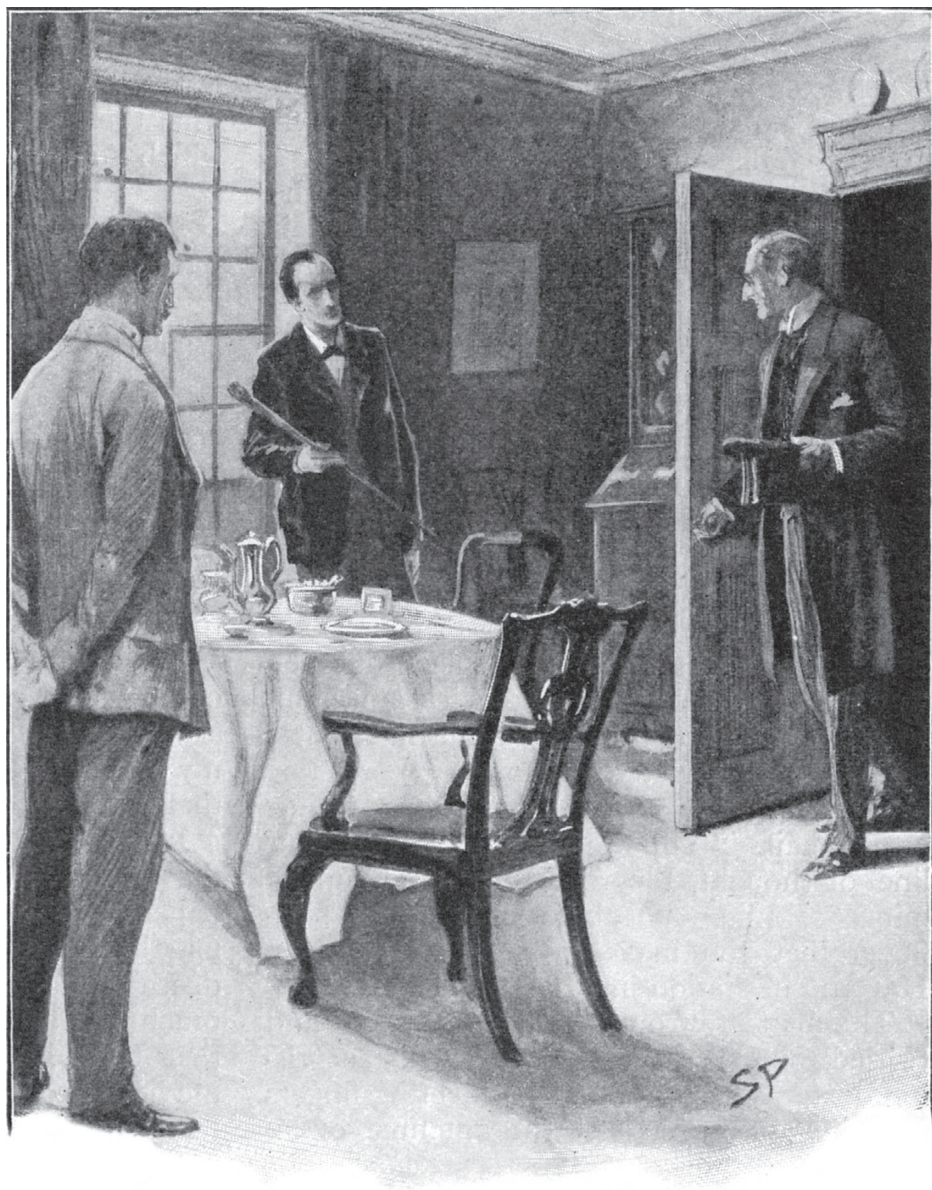
Шерлок Холмс усадил нашего странного гостя в кресло.

— Мы с вами, по-видимому, оба энтузиасты своего дела, сэр, — сказал он. — Судя по вашему указательному пальцу, вы предпочитаете крученые папиросы. Не стесняйтесь, закуривайте.

Доктор Мортимер вынул из кармана табак и бумагу и с поразительной ловкостью свернул папиросу. Его длинные, чуть дрожащие пальцы двигались проворно и беспокойно, как щупальца у насекомого.

Холмс сидел молча, но быстрые, мимолетные взгляды, которые он бросал на нашего занятого собеседника, ясно говорили о том, что этот человек сильно интересует его.

— Я полагаю, сэр, — начал он наконец, — что вы оказали мне честь своим вчерашним и сегодняшним посещением не только ради обследования моего черепа?

Войдя в комнату, наш гость тотчас же увидел палку в руках Холмса и с радостным возгласом потянулся за ней.

— Нет, сэр, конечно нет! Правда, я счастлив, что мне представилась такая возможность, но меня привело к вам совсем не это, мистер Холмс. Я человек отнюдь не практической складки, а между тем передо мной внезапно встала одна чрезвычайно серьезная и чрезвычайно странная задача. Считаю вас вторым по величине европейским экспертом...

— Вот как, сэр! Разрешите полюбопытствовать, кто имеет честь быть первым? — довольно резким тоном спросил Холмс.

— Господин Бертильон пользуется большим авторитетом у людей с научным складом мышления.

— Тогда почему бы вам не обратиться к нему?

— Я говорил, сэр, о научном складе мышления, но как практик вы не знаете себе равных — это признано всеми. Надеюсь, сэр, что я не позволил себе излишней...

— Так, самую малость, — ответил Холмс. — Однако, доктор Мортимер, я думаю, что вы поступите совершенно правильно, если сейчас же, без дальнейших отступлений, расскажете мне, в чем состоит дело, для разрешения которого вам требуется моя помощь.

Глава II

ПРОКЛЯТИЕ РОДА БАСКЕРВИЛЕЙ

У меня в кармане лежит одна рукопись, — сказал доктор Джеймс Мортимер.

— Я заметил это, как только вы вошли, — сказал Холмс.

— Рукопись очень древняя.

— Начало восемнадцатого века, если только не подделка.

— Откуда вам это известно, сэр?

— Разговаривая со мной, вы все время показываете мне краешек этой рукописи дюйма в два шириной. Плох же тот эксперт, который не сможет установить дату документа с точностью до одного-двух десятилетий. Вам, может быть, приходилось читать мой небольшой труд по этому вопросу? Я датирую вашу рукопись тысяча семьсот тридцатым годом.

— Точная дата — тысяча семьсот сорок второй. — Доктор Мортимер вынул рукопись из бокового кармана пиджака. — Эта фамильная реликвия была отдана мне на сохранение сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и трагическая смерть которого так взволновала весь Девоншир три месяца назад. Я считал себя не только врачом сэра Чарльза, но и его личным другом. Это был человек властный, умный, весьма практический и отнюдь не фантазер, как ваш покорный слуга. И все же он относился к этому документу очень серьезно и был подготовлен к тому концу, который и уготовила ему судьба.

Холмс протянул руку, взял рукопись и расправил ее на коленях.

— Уотсон, присмотритесь к написанию буквы «д». Это одна из тех особенностей, которые помогли мне установить дату документа.

Я взглянул через его плечо на пожелтевшие листы с полустертыми строками. Вверху страницы было написано: «Баскервиль-холл», а ниже стояли крупные, размашистые цифры: «1742».

— Это, по-видимому, какая-то запись.

— Да, запись одного предания, которое живет в роду Баскервилей.

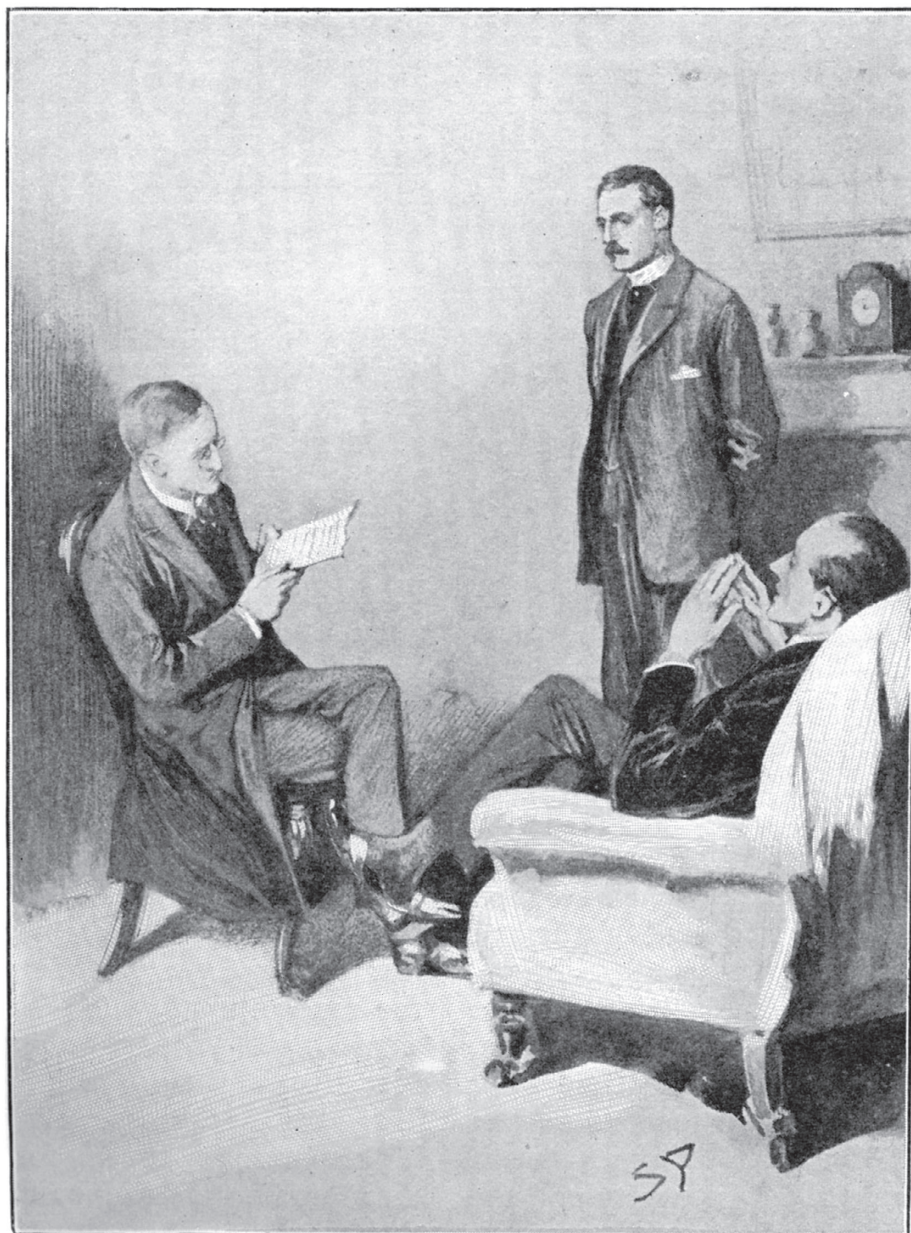
— Но, насколько я понял, вы пришли посоветоваться со мной по вопросу более практическому и более близкому к нам по времени.

— Да, животрепещуще близкому! Он не терпит отлагательств, его надо решить в течение суток. Рукопись совсем короткая, и она имеет непосредственное отношение к делу. С вашего позволения я прочту ее вам.

Откинувшись на спинку кресла, Холмс сомкнул кончики пальцев и с видом полной покорности судьбе закрыл глаза. Доктор Мортимер повернулся к свету и высоким скрипучим голосом начал читать нам следующую любопытную повесть древних времен:

— «Много есть свидетельств о собаке Баскервилей, но, будучи прямым потомком Хьюго Баскервиля и будучи наслышан о сей собаке от отца своего, а он — от моего деда, я положил себе записать сию историю, не сомневаясь в подлинности ее. И я хочу, дети мои, чтобы вы уверовали, что высший Судия, наказующий нас за прегрешения наши, волен и отпустить их нам с присущим ему милосердием, и что нет столь тяжкого проклятия, коего нельзя было бы искупить молитвой и покаянием. Так предайте же забвению страшные плоды прошлого, но остерегайтесь грешить в будущем, дабы снова всем нам на погибель не даровать свободу темным страстям, причинившим столько зла всему нашему роду.

Знайτε же, что во времена Великого Восстания (историю его, написанную лордом Кларендоном, мужем большой учености, я всячески советую вам прочесть) владельцем поместья Баскервиль был Хьюго, того же рода, и этого Хьюго можно со всей справедливостью назвать человеком необузданным, нечестивым и безбожным. Соседи простили бы ему все его прегрешения, ибо святые никогда не водились в наших местах, но в натуре Хьюго была склонность к безрассудным и жестоким шуткам — что и сделало имя его притчей во языцех во всем Девоне. Случилось так, что этот Хьюго полюбил (если только можно назвать его темную страсть столь чистым именем) дочь одного фермера, земли коего лежали поблизости от поместья Баскервилей. Но юная девица, известная своей скромностью и добродетелью, страшилась одного его имени и всячески его избегала. И вот однажды — а было это в Михайлов день — Хьюго Баскервиль отобрал из своих товарищей шестерых самых отчаянных и беспутных, прокрался к ферме и, зная, что отец и братья девицы находятся в отлучке, увез ее. Вернувшись в Баскервиль-холл, он спрятал свою пленницу в одном из верхних покоев, а

Доктор Мортимер повернулся к свету и высоким скрипучим голосом начал читать...

сам, по своему обычаю, стал пировать с товарищами. Несчастливая чуть ли не лишилась ума, слыша пение, крики и страшную брань, доносившиеся снизу, ибо, по свидетельству тех, кто знал Хьюго Баскервиля, он был столь несдержан на язык во хмелю, что казалось, подобные богохульные слова могут испепелить человека, осквернившего ими уста свои. Под конец страх довел девицу до того, что она отважилась на поступок, от коего отказался бы и самый ловкий и смелый мужчина, а именно: выбралась на карниз, спустилась на землю по плющу, что оплетал (и по сию пору оплетает) южную стену замка, и побежала через болото в отчий дом, отстоявший от баскервильского поместья на три мили.

По прошествии некоторого времени Хьюго оставил гостей с намерением отнести своей пленнице еду и питье; а может статься, в мыслях у него было и нечто худшее, но увидел, что клетка опустела и птичка вылетела на волю. И тогда его обуял дьявол, ибо, сбежав вниз по лестнице в пиршественный зал, он вскочил на стол, разметал фляги и блюда и поклялся во всеуслышание отдать тело свое и душу силам зла, лишь бы настигнуть беглянку. И пока сотрапезники его стояли, пораженные бушевавшей в нем яростью, один из них, самый бессердечный или самый хмельной, крикнул, что надо пустить собак по следу. Услышав такие слова, Хьюго выбежал из замка, приказал конюхам оседлать его вороную кобылу и спустить собак и, дав им понюхать косынку, оброненную девицей, поскакал следом за громко лающей сворой по залитому лунным светом болоту.

Сотрапезники его некоторое время стояли молча, не уразумев сразу, из-за чего поднялась такая суматоха. Но вот до их отуманенного винными парами рассудка дошло, какое черное дело будет содеяно на просторах торфяных болот. Тут все закричали: кто требовал коня, кто пистолет, кто флягу вина. Потом, несколько одумавшись, они всей оравой, числом в тринадцать человек, вскочили на коней и присоединились к погоне. Луна сияла ярко, преследователи скакали все в ряд по тому пути, каким, по их расчетам, должна была бежать девица, если она имела намерение добраться до отчего дома.

Проехав милю или две, они повстречали пастуха со стадом и спросили его, не видал ли он погоню. А тот, как рассказывают, сначала не мог вымолвить ни слова от страха, но потом все же признался, что видел несчастную девицу и что по следам ее неслись собаки. «Но я видел и нечто другое, — присовокупил он. — Хьюго Баскервиль проскакал мимо меня на своей вороной кобыле, а за ним молча гналась собака, и

не дай мне Боже увидеть когда-нибудь такое исчадие ада у себя за спиной!»

Пьяные сквайры обругали пастуха и поскакали дальше. Но вскоре мороз пробежал у них по коже, ибо они услышали топот копыт, и вслед за тем вороная кобыла, вся в пене, пронеслась мимо них без всадника и с брошенными поводьями. Беспутные гуляки сбились в кучу, обуянные страхом, потом двинулись дальше, хотя каждый из них, будь он здесь один, без товарищей, с радостью повернул бы своего коня вспять. Они медленно продвигались вперед и наконец увидели собак. Вся свора, издавна славившаяся чистотой породы и свирепостью, жалобно визжала, теснясь у спуска в глубокий овраг, некоторые собаки крадучись отбегали в сторону, а другие, ошетилившись и сверкая глазами, порывались пролезть в узкую расселину, что открывалась перед ними.

Всадники остановились, как можно догадаться, гораздо более трезвые, чем они были, пускаясь в путь. Большинство из них не решалось сделать вперед ни шагу, но трое самых смелых или же самых хмельных направили коней в глубь оврага. И там взорам их открылась широкая лужайка, а на ней — два больших каменных столба, поставленных здесь еще с незапамятных времен. Такие столбы попадаются на болотах и по сию пору. Луна ярко освещала лужайку, посреди которой лежала несчастная девица, скончавшаяся от страха и потери сил. Но не при виде ее бездыханного тела и не при виде лежащего рядом тела Хьюго Баскервиля почувствовали трое бесшабашных гуляк, как волосы зашевелились у них на голове. Нет! Над Хьюго стояло мерзкое чудовище — огромный, черной масти зверь, сходный видом с собакой, но выше и крупнее всех собак, каких когда-либо приходилось видеть смертному. И это чудовище у них на глазах перервало глотку Хьюго Баскервилю и, повернув к ним свою окровавленную морду, сверкнуло горящими глазами. Тогда они вскрикнули, обуянные страхом, и, не переставая кричать, помчались во весь опор по болотам. Один из них, как говорят, умер в ту же ночь, не перенеся того, чему пришлось быть свидетелем, а двое других до конца дней своих не могли оправиться от столь тяжкого потрясения.

Таково, дети мои, предание о собаке, причинившей с тех самых пор столько бед нашему роду. И если я решил записать его, то лишь в надежде на то, что известное меньше терзает нас ужасом, чем недомолвки и домыслы.

Луна ярко освещала лужайку, посреди которой лежала несчастная девица, скончавшаяся от страха и потери сил.

Есть ли нужда отрицать, что многие в нашем роду умирали смертью внезапной, страшной и загадочной? Так пусть же не оставит нас Провидение своей неизреченной милостью, ибо оно не станет поражать невинных, рожденных после третьего и четвертого колена, коим грозит отмщение, как сказано в Библии. И сему Провидению препоручаю я вас, дети мои, и заклинаю: остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно.

(Написано рукой Хьюго Баскервиля для сыновей Роджера и Джона, и приказываю им держать все сие в тайне от сестры их, Элизабет.)».

Прочитав это странное повествование, доктор Мортимер сдвинул очки на лоб и уставился на мистера Шерлока Холмса. Тот зевнул и бросил окурок в камин.

— Ну и что же? — сказал он.

— По-вашему, это неинтересно?

— Интересно — для любителей сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную вчетверо газету.

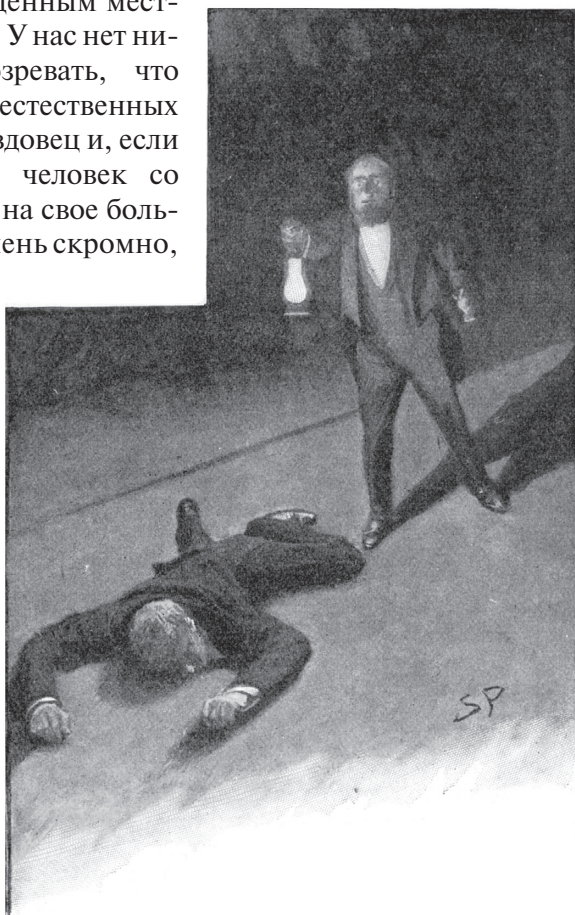
— Хорошо, мистер Холмс. Теперь мы познакомим вас с более современным материалом. Вот номер «Девонширской хроники» от четырнадцатого июня этого года. В нем помещен короткий отчет о фактах, установленных в связи со смертью сэра Чарльза Баскервиля, постигшей его за несколько дней до этой даты.

Мой друг чуть подался вперед, и взгляд у него стал сразу внимательный. Поправив очки, доктор Мортимер начал:

— «Скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, возможного кандидата от партии либералов на предстоящих выборах, произвела очень тяжелое впечатление на весь Средний Девоншир. Хотя сэр Чарльз сравнительно недавно обосновался в Баскервиль-холле, своим радушием и щедростью он успел снискать себе любовь и уважение всех, кому приходилось иметь с ним дело. В наши дни владычества нуворишей приятно знать, что потомок древнего рода, знававшего лучшие времена, смог собственными руками нажить себе состояние и обратить его на восстановление былого величия своего имени. Как известно, сэр Чарльз совершал весьма прибыльные операции в Южной Африке. В противоположность многим другим людям, которые не останавливаются до тех пор, пока колесо фортуны не повернется против них, он, со свойственной ему трезвостью ума, реализовал свои доходы и вернулся в Англию с солидным капиталом. В Баскервиль-холле сэр Чарльз поселился всего лишь два года назад, но слухи о различных

усовершенствованиях и планах перестройки поместья, прерванных его смертью, успели распространиться повсюду. Будучи бездетным, он не раз выражал намерение еще при жизни облагодетельствовать своих земляков, и у многих из здешних жителей есть личный повод оплакивать его безвременную кончину. О щедрых пожертвованиях сэра Чарльза на нужды благотворительности как в местном масштабе, так и в масштабе всего графства неоднократно упоминалось на страницах нашей газеты.

Нельзя сказать, чтобы дознанию удалось полностью выяснить обстоятельства смерти сэра Чарльза Баскервиля, хотя оно все же положило конец слухам, рожденным местными суеверными умами. У нас нет никаких оснований подозревать, что смерть последовала не от естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец и, если можно так выразиться, человек со странностями. Несмотря на свое большое состояние, он жил очень скромно,

...и в самом конце аллеи был обнаружен его труп.

и весь штат домашней прислуги в Баскервиль-холле состоял из супружеской четы Бэрриморов. Муж исполнял обязанности лакея, жена — экономки. В своих показаниях, совпадающих с показаниями близких друзей покойного, Бэрриморы отмечают, что здоровье сэра Чарльза за последнее время заметно ухудшилось. По их словам, он страдал болезнью сердца, о чем свидетельствовали то и дело появляющаяся у него одышка, бледность и подавленное состояние духа. Доктор Джеймс Мортимер, близкий друг и домашний врач покойного, подтвердил это в своих показаниях.

С фактической стороны все обстояло весьма просто. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение гулять перед сном по знаменитой тисовой аллее Баскервиль-холла. Чета Бэрриморов показывает, что он никогда не изменял этой привычке. Четвертого июня сэр Чарльз объявил о своем намерении уехать на следующий день в Лондон и приказал Бэрримору приготовить ему вещи к отъезду, а вечером, как обычно, отправился на прогулку, во время которой он всегда выкуривал сигару. Домой сэр Чарльз больше не вернулся. В полночь, увидев, что парадная дверь все еще открыта, Бэрримор встревожился, зажег фонарь и отправился на поиски своего хозяина. В тот день было сыро, и следы сэра Чарльза ясно виднелись в аллее. Посередине этой аллеи есть калитка, которая ведет на торфяные болота. Судя по некоторым данным, сэр Чарльз стоял около нее несколько минут, потом пошел дальше... и в самом конце аллеи был обнаружен его труп.

Тут остается невыясненным одно обстоятельство. Бэрримор показывает, что как только сэр Чарльз отошел от калитки, характер его следов изменился — по-видимому, дальше он ступал на цыпочках. В то время по болоту, недалеко от аллеи, проходил цыган-барышник, некий Мерфи. Он слышал крики, но не мог определить, в какой стороне они раздавались, так как, по собственному признанию, был сильно пьян. Никаких следов насилия на теле сэра Чарльза не обнаружено. Правда, медицинская экспертиза отмечает изменившееся до неузнаваемости лицо покойного — доктор Мортимер даже отказался сначала верить, что перед ним лежит его друг и пациент, но подобное явление нередко сопровождает смерть от удушья и упадка сердечной деятельности. Это подтвердилось в результате вскрытия, которое дало полную картину застарелого органического порока сердца. Основываясь на данных медицинской экспертизы, присяжные на дознании вынесли вердикт — скоропостижная смерть, что значительно облегчает положение дел, так как желательно, чтобы наследник сэра

Чарльза поселился в Баскервиль-холле и продолжал прекрасные начинания своего предшественника, прерванные таким трагическим концом. Если бы прозаически точные выводы присяжных не положили конец романтическим домыслам в связи со смертью сэра Чарльза, которые передавались по всему графству из уст в уста, то Баскервиль-холлу трудно было бы найти хозяина. Как говорят, ближайшим родственником сэра Чарльза является мистер Генри Баскервиль (если он жив), сын среднего брата покойного. По последним имеющимся у нас сведениям, этот молодой человек находится в Америке. Сейчас приняты меры к тому, чтобы разыскать его и сообщить о полученном им большом наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и сунул ее в карман.

— Вот все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза Баскервиля, мистер Холмс.

— Вы познакомили меня с делом, которое, безусловно, не лишено некоторого интереса, и я вам очень признателен за это, — сказал Шерлок Холмс. — В свое время мне приходилось читать о нем в газетах, но тогда я был так занят историей с ватиканскими камнями и так старался услужить папе, что прозевал несколько любопытных дел в Англии. Значит, это все, что сообщалось о смерти сэра Чарльза?

— Да.

— Тогда ознакомьте меня с теми фактами, которые не попали в печать. — Он откинулся на спинку кресла, сомкнув кончики пальцев, и принял вид строгого и беспристрастного судьи.

— Мне еще ни с кем не приходилось говорить об этом, — начал доктор Мортимер, явно волнуясь. — Я о многом умолчал во время дознания по той простой причине, что человеку науки неудобно поддерживать слухи, рожденные суеверием. И я считаю, что газета права: усугублять и без того мрачную репутацию Баскервиль-холла — значит обрекать его на прозябание без хозяина. Руководствуясь этими соображениями, я предпочел кое о чем умолчать, потому что излишняя откровенность все равно не принесла бы пользы. Но с вами я могу говорить напрямик.

Торфяные болота — место довольно безлюдное, поэтому более или менее близкие соседи стараются почаще встречаться друг с другом. Что касается меня, то я проводил довольно много времени в обществе сэра Чарльза Баскервиля. Если не считать мистера Френкланда из Леф-

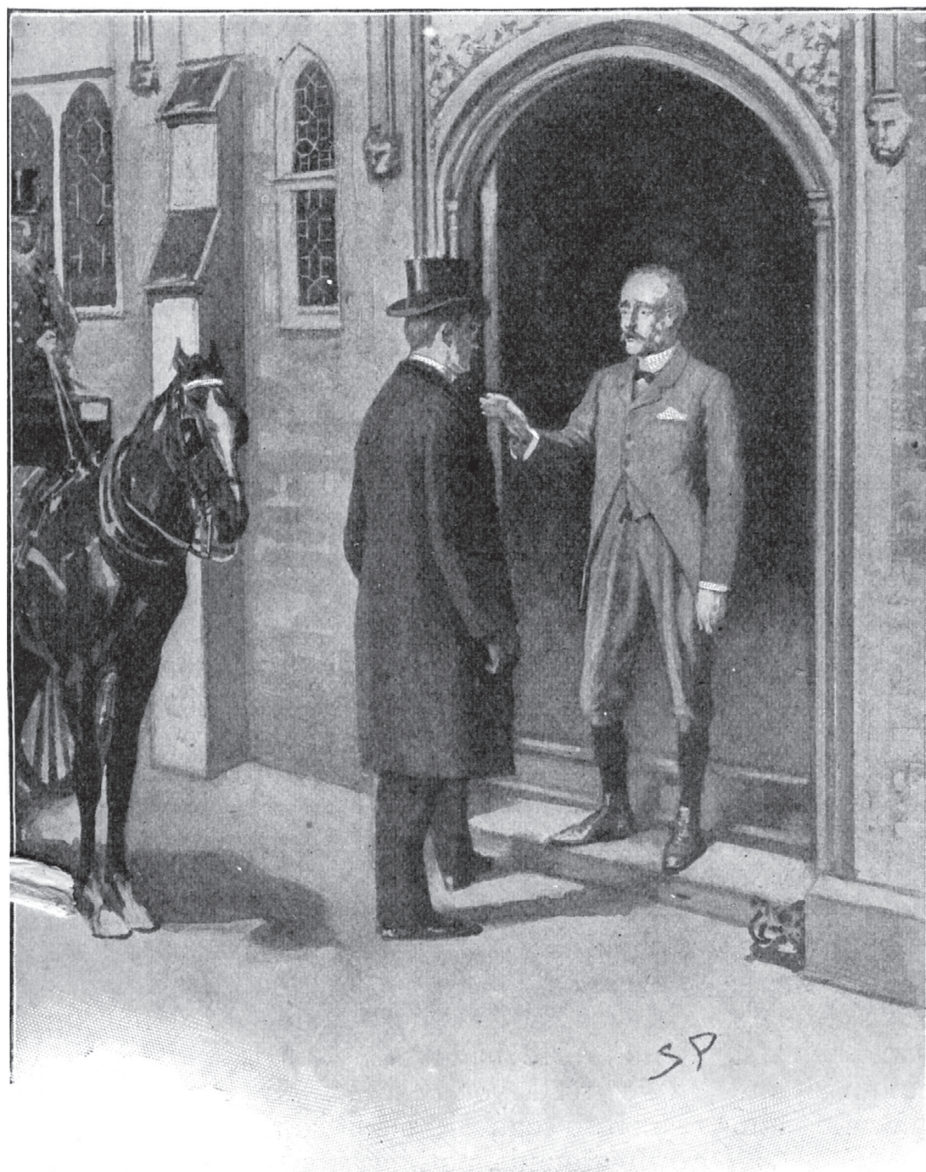
тер-холла да еще натуралиста мистера Стэплтона, в наших местах на протяжении многих миль не встретишь ни одного образованного человека. Сэр Чарльз любил уединение, но его болезнь сблизила нас, а общие интересы еще больше укрепили эту близость. Он привез весьма ценные материалы из Южной Африки, и мы с ним провели много приятных вечеров, обсуждая сравнительную анатомию бушменов и готтентотов.

Последнее время мне с каждым месяцем становилось все яснее, что нервы сэра Чарльза напряжены до предела. Он верил в легенду, которую я вам прочитал, и, гуляя по своим владениям, не решался выходить на болота ночью. Вам это покажется нелепостью, мистер Холмс, но сэр Чарльз был твердо убежден, что над его родом тяготеет страшное проклятие, и действительно, примеры, которые он приводил из прошлого своей семьи, были неутешительны. Ему не давала покоя навязчивая идея о каком-то призрачном существе, и он то и дело спрашивал меня, не видал ли я чего-либо странного, когда ходил с визитами по больным, и не слышал ли собачьего лая. Последний вопрос сэра Чарльза задавал мне особенно часто, и его голос дрожал при этом от волнения.

Помню как сейчас, недели за три до трагического события я подъехал вечером к Баскервиль-холлу. Сэр Чарльз стоял в дверях дома. Я вылез из шарабана и, подойдя к нему, вдруг заметил, что он смотрит куда-то через мое плечо с выражением предельного ужаса в глазах. Я круто обернулся и успел только мельком увидеть в самом конце аллеи какое-то животное вроде большого черного теленка. Сэр Чарльз был в таком волнении и страхе, что мне пришлось пойти туда, где оно промелькнуло, и посмотреть, куда оно делось. Но там ничего не было.

Это происшествие произвело очень тяжелое впечатление на моего друга. Я провел с ним весь тот вечер, и вот тогда-то, решив объяснить мне причину своей тревоги, он и попросил меня взять на сохранение эту рукопись, с которой я счел нужным ознакомить вас прежде всего. Я упомянул об этом маловажном случае только потому, что он приобрел некоторое значение в последующей трагедии, но в то время все это показалось мне чистейшим вздором, никак не оправдывающим волнение моего друга.

Сэр Чарльз, по моему совету, собирался в Лондон. Сердце у него было не в порядке, а страх, не дававший ему ни минуты покоя, явно

Я вылез из шарабана и, подойдя к нему, вдруг заметил, что он смотрит куда-то через мое плечо с выражением предельного ужаса в глазах.

сказывался на его здоровье, хотя причины этого страха были, на мой взгляд, просто вымышленные. Я рассчитывал, что несколько месяцев городской жизни подействуют на сэра Чарльза освежающе и он вернется назад новым человеком. Того же мнения был мистер Стэплтон, который проявлял всегда большую заботу о здоровье нашего общего друга. И вот в самую последнюю минуту разразилось это страшное несчастье.

Лакей Бэрримор, нашедший ночью тело сэра Чарльза, немедленно послал ко мне верхом конюха Перкинса. Я поздно засиделся за работой и поэтому поспел в Баскервиль-холл быстро, самое большее через час. Все факты, о которых упоминалось во время дознания, были мною проверены и сопоставлены один с другим. Я прошел по следам сэра Чарльза всю тисовую аллею, осмотрел то место у калитки, где он, по-видимому, остановился, обратил внимание на изменившийся характер его следов, убедился, что, кроме них, на мягком гравии видны только следы Бэрримора, и, наконец, тщательно обследовал тело, к которому до моего приезда никто не прикасался. Сэр Чарльз лежал ничком, раскинув руки, вцепившись пальцами в землю, и судорога так исказила его лицо, что я не сразу мог опознать труп. Физических повреждений на нем не оказалось. Но Бэрримор дал ошибочные показания. По его словам, на земле около тела не было видно никаких следов. Он просто не заметил их, а я заметил. На небольшом расстоянии от сэра Чарльза виднелись совершенно свежие и четкие...

— Следы?

— Следы.

— Мужские или женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил почти шепотом:

— Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!

О ХУДОЖНИКЕ ЭТОЙ КНИГИ:
СИДНИ ЭДУАРД ПЭЙДЖЕТ

Сидни Эдуард Пэйджет родился в 1860 году и был пятым ребенком в семье. Подобно братьям Генри и Уолтеру, он избрал в жизни художественную стезю и вслед за ними окончил Королевскую Академию Искусств в Лондоне.

Имя Сидни Пэйджета неразрывно связано с образом Шерлока Холмса. Иллюстратором детективных произведений Артура Конан Дойла сделал художника случай. Нерадивый издательский клерк, поленившись уточнить имена, направил ему предложение оформить первую полудюжину рассказов о великом сыщике, хотя изначально этот заказ предназначался его младшему брату Уолтеру, куда более известному живописцу и графику. Успев по-

работать к тому времени в ряде журналов и других изданий и приобретя некоторую известность в качестве иллюстратора серии детективных рассказов Артура Моррисона о следователе Мартине Хьюитте, Сидни ничего не заподозрил и немедленно дал согласие. В начале сотрудничества будущий сэра Артур сетовал, что его герой вовсе не задумывался таким красавцем, как на рисунках. По одной из версий, моделью художнику послужил младший брат, действительно весьма симпатичный мужчина. Оба это упорно отрицали, но известны случаи, когда Уолтера узнавали дети на улице и называли дядей Шерлоком. Зато точно известно, что доктор Уотсон был точной копией археолога Альфреда Батлера, друга Сидни со студенческих времен.

Тандем Конан Дойла с Пэйджетом получился на редкость удачным. С 1891-го по 1904-й художник проиллюстрировал почти четыре десятка рассказов и повесть «Собака Баскервилей», создав в общей сложности 356 рисунков. Среди множества других иллюстраторов «холмсианы» Сидни Пэйджет по праву занимает первое место. Примечательно, что у него получилось добавить к привычному и узнаваемому облику детектива некоторые существенные штрихи, не упомянутые ни в одном из текстов. В частности, знаменитую охотничью шляпу и не менее знаменитое клетчатое шотландское кепи. Умер художник в 1908 году на пороге пятидесятилетнего рубежа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава I.</i> Мистер Шерлок Холмс	5
<i>Глава II.</i> Проклятие рода Баскервильей	13
<i>Глава III.</i> Задача	26
<i>Глава IV.</i> Сэр Генри Баскервиль	37
<i>Глава V.</i> Три оборванные нити	51
<i>Глава VI.</i> Баскервиль-холл	63
<i>Глава VII.</i> Стэплтоны из Меррипит-хауса	75
<i>Глава VIII.</i> Первый отчет доктора Уотсона	91
<i>Глава IX.</i> Второй отчет доктора Уотсона	100
<i>Глава X.</i> Отрывки из дневника доктора Уотсона	119
<i>Глава XI.</i> Человек на гранитном столбе	131
<i>Глава XII.</i> Смерть на болотах	146
<i>Глава XIII.</i> Сети расставлены	162
<i>Глава XIV.</i> Собака Баскервильей	175
<i>Глава XV.</i> Взгляд назад	193
О художнике этой книги: <i>Сидни Эдуард Пэйджет</i>	204